

RU

Проблемы социального развития общества в годы НЭПа в СССР (по материалам уголовного розыска Пензенской губернии)

Жгут С. А.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы социального развития общества в период новой экономической политики (далее – НЭП) 1921-1928 гг. в СССР. В работе приведены мнения авторов научных работ относительно заявленной проблематики, а также проанализирована трансформация подходов к исследованию обозначенной темы. Цель исследования – раскрыть основные проблемы социального развития общества в годы НЭПа и показать деструктивное влияние социальных девиаций на общественную жизнь. В статье рассмотрены основные подходы к сущности и причинам социальных проблем в годы НЭПа, на базе архивных данных уголовного розыска раскрыта статистика по пьянству, бандитизму и проституции. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на основе материалов Пензенской губернии дана комплексная характеристика девиантного поведения среди взрослого населения в период НЭПа (1921-1928 гг.) посредством историографического обзора и изучения архивных данных. В представленной работе пьянство, бандитизм и проституция рассмотрены как единый комплекс проблем социального развития общества, деструктивно влиявших на социум в годы НЭПа. Изложенное позволило оценить и изучить причины и масштабы социальных проблем обозначенного периода. Удалось выявить механизмы ликвидации проблемы бандитизма, доказать системный характер угрозы самогоноварения для местного аппарата власти, а также обосновать латентный характер проституции в регионе.

EN

Problems of social development during the NEP Years in the USSR (based on materials from the Criminal Investigation Department of the Penza Governorate)

S. A. Zhgut

Abstract. The article examines problematic issues regarding social development during the New Economic Policy (hereinafter NEP) period of 1921-1928 in the USSR. The paper presents the views of various scholars on the stated issues and analyzes the transformation of research approaches to the subject. The purpose of the study is to reveal the main problems of social development during the NEP years and to demonstrate the destructive influence of social deviations on public life. The article considers the main approaches to the essence and causes of social problems during the NEP era; based on archival data from the Criminal Investigation Department, statistics on drunkenness, banditry, and prostitution are presented. The scientific novelty of the study lies in providing, for the first time on the basis of materials from the Penza Governorate, a comprehensive characterization of deviant behavior among the adult population during the NEP period (1921-1928) through a historiographical review and the analysis of archival data. In the presented work, drunkenness, banditry, and prostitution are examined as a unified complex of social development problems that destructively impacted society during the NEP years. This approach made it possible to assess and explore the causes and scale of social issues during the specified period. The study succeeded in identifying the mechanisms for eliminating banditry, proving the systemic nature of the threat posed by moonshining to the local government apparatus, and substantiating the latent nature of prostitution in the region.

Введение

Актуальность темы исследования связана с интересом учёных историков к социально-бытовому аспекту новой экономической политики (1921-1928 гг.), в том числе, к девиационным проявлениям среди взрослого населения. На современном этапе историческая наука делает акцент на изучении повседневности. Проблемы

социального развития представляют собой богатую почву для исследования бытового аспекта общественной жизни в рассматриваемый период.

Политические события, произошедшие в России в 1917 году, привели к слому старого порядка и заложили основу для трансформации во всех сферах общественных отношений. Отмена частной собственности на землю, национализация, отказ от рыночных механизмов в экономике и другие радикальные меры советской власти получили поддержку среди значительного количества населения страны. В то же время положение новой власти было неустойчивым, и большевики решали задачу сохранения власти на фоне тяжёлых экономических условий, гражданской войны и интервенции (Виноградов, 2015).

К 1921 году назрела необходимость проведения существенных преобразований в экономике, которые известны как новая экономическая политика или НЭП. Сущность НЭПа заключалась в частичном внедрении рыночных механизмов в экономику с одновременным усилением политического контроля. Благодаря НЭП были введены мелкая и средняя торговля, сфера услуг и кооперация, что позволило правительству стабилизировать продовольственную ситуацию в стране и выйти из опасной ситуации (Муравьева, 2002).

Вместе с тем, рыночные отношения, как и любой экономический уклад, обладают теневыми аспектами, которые характеризуются, прежде всего, девиационными свойствами, которые носят ярко выраженный анти-социальный характер и объективно создают проблемы для нормального развития общества. В годы НЭПа к основным проблемам социального развития можно отнести преступность (бандитизм), нелегальное самогонование / винокурение, проституцию.

Задачи исследования:

1. Изучить трансформацию подходов в историографии к исследованию проблем социального развития и девиаций в годы НЭПа.
2. На основе архивных материалов уголовного розыска по Пензенской губернии выявить специфику и структуру ключевых социальных проблем регионального социума в годы НЭПа.
3. Проанализировать причины возникновения, динамику развития и методы подавления бандитизма в Пензенской губернии годы НЭПа.
4. Оценить масштабы распространения пьянства и самогонования в регионе, а также определить их влияние на социально-политические процессы в Пензенской губернии в годы НЭПа.

Методы исследования: аналитический, сравнительный, статистический. Аналитический метод позволил изучить историографию проблем социального развития в годы НЭПа. Сравнительный метод использован для соотнесения подходов ученых историков к причинам возникновения социальных проблем в годы НЭПа и их влиянию на социально-политическую жизнь. Статистический метод позволяет подкрепить теоретические выводы исследования статистическими данными и конкретными цифрами.

Материалы исследования: архивные документы Государственного архива Пензенской области (далее – ГАПО).

В качестве теоретической базы используются работы учёных-историков по теме исследования. Отечественная историография проблемы социального развития общества в годы НЭПа прошла путь от идеологизированных нарративов к антропоцентрическому анализу повседневности. Исследования 1920-х годов (Ларин, 1929; Семашко, 1926; Герцензон, 1928) представляют алкоголизм как деструктивное наследие царского режима. В 1970-е годы ученые стремились разграничить «пережитки прошлого» и социалистический образ жизни (Курицын, 1972). В 1980-е всплеск научного интереса к теме во многом стимулировался антиалкогольной кампанией эпохи перестройки, что делало опыт НЭПа актуальным (Коржихина, 1985). С начала 1990-х годов и на современном этапе, благодаря открытию региональных архивов, сформировался антропоцентрический подход, сменивший фокус на изучение бытовых практик конкретного человека (Андреевский, 2003; Ельчаников, 2018; Манькевич, 2007; Павлов, 2004).

Практическая значимость работы состоит в возможности применения полученных результатов исследования в научно-образовательной деятельности. Материалы исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по истории России XX века, истории отечественного государства и права, а также по региональной истории Пензенского края. Анализ статистических данных, полученных из архивных документов, может быть применен в дальнейших исследованиях по социальной истории НЭПа. Представленный анализ архивных данных позволяет сделать выводы о сущности и масштабах проблем социального развития в 1920-е годы.

Обсуждение и результаты

Обзор историографии по теме исследования

Исследования 1920-1930-х годов по изучению проблем социального развития в годы НЭПа представляют собой аналитические материалы, носящие пропагандистский характер. Авторы видят алкоголизм первопричиной девиантного поведения населения страны, которое, в свою очередь порождает преступность и прочие негативные социальные последствия.

Так, Ю. Ларин в своей работе связывает причины массового алкоголизма с пережитками дореволюционной капиталистической системы и царским режимом. По мнению автора, крестьяне и рабочие находились под угнетающей эксплуатацией, и единственным доступным для них развлечением и утешением являлся алкоголь (Ларин, 1929).

Н. А. Семашко в агитационном труде помимо медицинской составляющей вопроса развернуто анализирует отрицательное влияние алкоголизма на производственную дисциплину, семейные отношения. Причины массового употребления автор видит в царском режиме, который получал значительный доход от продажи водки (Семашко, 1926).

А. А. Герцензон в своих исследованиях подчеркивал снижение общего уровня преступности после революции 1917 года, рост числа политических преступлений, а также влияние алкоголя как фактора, стимулирующего антиобщественное поведение и, как следствие, рост преступности, проституции. (Герцензон, 1928, 1930).

Новый этап в изучении указанной проблематики начался с 1970-х и длился до конца 1980-х годов. Исследователи стремились отделить так называемые «пережитки прошлого» от социалистического образа жизни на раннем этапе советского государства для обоснования преимуществ социализма над дореволюционным капитализмом (Курицын, 1972). Т. П. Коржихина также анализировала борьбу с алкоголизмом в 1920-е годы. Интерес к данной теме во многом объясняется проведением анти-алкогольной кампании в СССР во второй половине 1980-х годов (Коржихина, 1985).

С начала 1990-х годов и на современном этапе в отечественной историографии сформировался антропоцентрический подход. В основе исследований лежит изучение повседневности и бытовых практик применительно к конкретному человеку. Также отмечается увеличение доли исследований по региональной тематике, связанное с открытием доступа к архивным фондам в регионах (Андреевский, 2003; Ельчанинов, 2018; Манькевич, 2007; Павлов, 2004).

Н. Б. Лебина в своей работе отмечает, что советская власть на начальном этапе не планировала заниматься производством и продажей спиртного на государственном уровне. Между тем, к середине 1920-х годов большевики всё же ввели государственную монополию на производство и продажу алкоголя, так это было одним из самых быстрых способов пополнения государственного бюджета (Лебина, 2019).

И. Н. Камардин исследовал феномен хулиганства в городах Поволжья в годы НЭПа, в том числе в Пензе. Ученый связывает рост хулиганства в Пензе в 1925 году с началом легальной продажи водки в органах госторговли. По приведенным в статье данным, в Пензенской губернии за 1925 г. было задержано за пьянство 1367 человек. Это указывает на прямую связь между различными проблемами социального развития (Камардин, 2011).

С. Е. Панин также отмечает прямую взаимосвязь между эскалацией городского хулиганства и употреблением алкоголя. По мнению исследователя, легализация водки в 1925 году привела к росту агрессии среди населения, что является триггером для хулиганского поведения. Согласно статистике, приведенной в исследовании, 95,5% хулиганов были пьющими людьми, 62% из них являлись алкоголиками, а 7% наркоманами (Панин, 2003).

Таким образом, историография рассматриваемого вопроса прошла путь от идеологически-пропагандистских работ до исследований бытовых практик повседневности в разрезе социологических метрик.

Анализ основных проблем социального развития в годы НЭПа (1921-1928 гг.) на основе архивных данных уголовного розыска по Пензенской губернии

К проблемам социального развития Пензенской губернии в годы НЭПа можно отнести нехватку квалифицированных милицейских кадров, ведь именно от количества и качества аппарата правоохранительных органов во многом зависит уровень правопорядка в обществе.

В соответствии с приказом начальника Пензенской губернской милиции № 1 от 26 марта 1920 года штатная численность уездной милиции должна была формироваться из расчёта 1 милиционер на 3000 человек. Из протокола совещания начальников уездных милиций Пензенской губернии к концу 1920 – началу 1921 года видно, что уездная милиция на местах нуждалась в увеличении штатной численности в связи с исполнением многочисленных и многосложных обязанностей (ГАПО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 55, л. 31, 87).

Одной из задач власти была борьба с безграмотностью среди милиционеров. В 1921 году в Пензе создана школа милиционеров, в которую были зачислены 11 неграмотных и 23 малограмотных милиционера (ГАПО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 140, л. 2).

Из ежемесячных докладов начальников уездных милиций в губернскую милицию следует, что к маю 1921 года подотчётными видами деятельности милиции являлись: охрана порядка, борьба с дезертирами и бандитами, борьба с пьянством (ГАПО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 98, л. 8).

Наибольшую опасность для власти представлял бандитизм. Из приказа губернской милиции от 14 декабря 1922 года очевидно, что для борьбы с бандами формировались сводные вооруженные отряды из сотрудников милиции (ГАПО, ф. Р-342, оп. 1, д. 12, л. 12).

Отчёты губернской милиции подтверждают, что к 1925 году количество уголовных дел по бандитизму существенно снизилось, что указывает на эффективность принимаемых мер (ГАПО, ф. Р-342, оп. 1, д. 36, л. 2).

Перечисленные архивные документы указывают, что милиция в годы НЭПа фактически представляла собой универсальный силовой орган управления с широким кругом полномочий. Милиция обеспечивала политический, экономический и социальный контроль в губернии. Кадровый дефицит усугублялся низким профессионализмом милиционеров. К такому выводу позволяют прийти сведения о полной или частичной неграмотности абсолютного большинства курсантов школы милиции в 1921 г. Ликвидация безграмотности среди милиционеров являлась не просто элементом культурной революции, но и крайне важным шагом власти по созданию бюрократической вертикали. Помимо силовых функций, аппарат милиции должен был быть способным вести учет преступлений, оформлять следственные материалы и адекватно толковать правовые нормы.

Следует также отдельно отметить переход руководства губернской милиции к формированию сводных вооруженных отрядов в декабре 1922 года. Данное решение указывает на признание неэффективности стандартных методов уголовного розыска по борьбе с организованной преступностью. Милиция была вынужденно милитаризована правоохранительных органов и фактически временно дублировала функции регулярной армии. При этом, документально зафиксированное к 1925 году существенное снижение количества уголовных дел по линии бандитизма служит прямым доказательством эффективности данной модели. Армейские методы подавления вооруженного сопротивления бандитов в сочетании с постепенным преодолением кадрового дефицита позволили советской власти стабилизировать обстановку в Пензенской губернии.

Отдельной проблемой являлось пьянство и самогоноварение. Систематическое пьянство уже в 1920 году являлось деянием наказуемым. Так, в Чембаре заместитель заведующего земельным отделом М. Ф. Кузин за пьянство и укрывательство дезертиров получил 3 года принудительных работ. В связи с амнистией наказание назначено условно (ГАПО, ф. Р-863, оп. 2, д. 24, л. 68).

Проблема пьянства затронула, в том числе, и органы милиции. Из секретной переписки губернской милиции 1923 года усматривается, что начальник второго отделения Пензенской губернской милиции Максимов неоднократно появлялся в нетрезвом виде при исполнении служебных обязанностей и оказывал деморализующее влияние на подчиненных (ГАПО, ф. Р-1879, оп. 1, д. 205, л. 58).

Пьянство поддерживалось возможностью приобретения недорогого самодельного алкоголя – самогона. В феврале 1924 года в ходе месячника по борьбе с самогонварением в городе Пензе милиция провела 81 обыск, в результате было задержано 77 самогонщиков, изъято 17 самогонных аппаратов и 35 ведер самогона (приблизительно 400 литров). Работа велась в каждом уезде, согласно систематизированному плану, что указывает на масштабы проблемы (ГАПО, ф. Р-342, оп. 1, д. 94, л. 1, 15).

Принимаемые властью меры по борьбе с пьянством не давали значимых результатов. Так, за октябрь – декабрь 1924 года в Пензе за пьянство было задержано 342 человека, в то время как за аналогичный период 1925 года – 815 человек, т. е. в 2 раза больше. Изготовлением самогона в 80% случаев занимались крестьяне. За раскрываемость дел по самогонварению в милиции была даже установлена система премирования, до 50% от должностного оклада (ГАПО, ф. Р-342, оп. 1, д. 59, л. 4, 5, 8, 178).

Проблему пьянства в ходе НЭПа победить не удалось. Напротив, существовавшие механизмы рыночной кооперации и существовавшая в обществе социальная напряженность на фоне социальной турбулентности создавали благоприятную почву для производства, распространения и употребления алкогольных напитков.

Проституция в Пензенской губернии являлась меньшей проблемой, чем пьянство и бандитизм. В милицеских отчетах до 1926 года проституция практически не фигурирует, в сводках происшествий отдельной графы не имеет, что указывает на слабое распространение.

За апрель – июнь 1926 года первым отделением милиции в Пензе составлено 3 протокола по факту проституции, причём за сводничество. В предыдущие 3 месяца факты проституции не выявлялись (ГАПО, ф. Р-342, оп. 1, д. 59, л. 148).

Для понимания масштабов проблем социального развития в Пензенской губернии в середине 1920-х годов, целесообразно проанализировать сводный доклад отдела уголовного розыска от 1925 года (ГАПО, ф. Р-342, оп. 1, д. 55, л. 21). Исследование материалов пензенского уголовного розыска за период 1924-1925 годов наглядно демонстрирует прямую зависимость между проводимой государством кампанией по лишению отдельных категорий граждан политических и экономических прав и значительным увеличением проявлений негативных социальных явлений. Среди наиболее распространённых проблем того времени выделяются одиночная проституция, широкое распространение подпольного производства самогона, а также повторяющиеся правонарушения несовершеннолетних. Эти негативные явления не только возникали вследствие тяжёлого экономического положения, вызванного последствиями войн и кризисов, но и непосредственно обуславливались целенаправленной системой институциональной дискриминации значительной доли населения.

В числе уязвимых слоев оказались, в том числе, молодые люди и женщины, принадлежавшие к социальным категориям, официально признанным враждебными новому строю («чуждые классы»). Потеря полноценного юридического статуса буквально вытесняла их в теневую сферу существования, вынуждая искать средства к выживанию вне рамок официального правопорядка. Параллельно этому правоохранительные органы активно боролись с производством самогона и содержанием притонов, регулярно пополняя списки избирателей новыми кандидатами на ограничение избирательных и иных гражданских прав. Подобная практика постепенно превращалась в замкнутый круг, окончательно закрепляя за традиционными социальными группами роль постоянных изгнанников и аутсайдеров.

Таким образом, документальная база уголовного розыска отражает не только количественное изменение уровня преступности, но и раскрывает скрытые механизмы приспособления дискриминированных слоёв населения к жёстким условиям юридической изоляции и социальной сегрегации.

Особое значение приобретает важный блок изучаемых материалов – состояние организованной преступности и функционирование нелегального рынка поддельных документов. Так, согласно сводкам уголовного розыска, в центральных районах губернии (например, Пензенский уезд) вооружённые банды практически исчезли к середине 1923 года, в отдалённых сельскохозяйственных регионах (Нижнеомовский, Спасский (ныне Беднодемьяновский), Чембарский и Керенский уезды) вооружённое сопротивление властям наблюдалось вплоть до конца 1924 года включительно. Примечательным примером активности скрывающихся преступников стало задержание крупной группировки в Чембарском уезде, у которой обнаружили значительное

количество украденных официальных военных бланков и печатей губернского военного комиссариата (губвоенкомата) (ГАПО, ф. Р-342, оп. 1, д. 36, л. 2). Данный эпизод свидетельствует о существовании хорошо налаженного чёрного рынка поддельных документов, которым пользовались как сами участники бандитских формирований, так и представители категории лишенцев, стремящиеся скрыть собственную личность и обойти дискриминационные меры властей.

Следующий значимый блок рассматриваемого материала охватывает социальную патологию, выраженную в широком распространении проституции и домашнего изготовления спиртных напитков. Сотрудники правоохранительных органов отмечали заметные перемены в формах организации проституции в Пензе: после закрытия крупных притонов занятие проституцией переместилось в скрытую форму индивидуальной уличной торговли сексуальными услугами, значительно затруднившую контроль над данным явлением (ГАПО, ф. Р-342, оп. 1, д. 59, л. 148). Именно эта тенденция заслуживает особого внимания исследователей, поскольку являлась вынужденной формой выживания для женщин, происходивших преимущественно из семей лишенцев и представителей старых привилегированных слоёв общества, утративших любые законные способы заработка.

Одновременно массовый рост кустарного самогонварения, в котором подавляющее большинство (до 80%) составляли крестьяне, представлял собой не столько проявление асоциального поведения, сколько попытку деревенского сообщества обеспечить себя дополнительным источником доходов в условиях крайней нужды и нищеты. Регулярные крупные конфискации самодельного алкоголя (сотни литров за одну операцию) ясно демонстрируют, насколько широко распространилось данное явление и какую важную роль оно играло в пополнении списков лишенцев по критерию «лица, живущие нетрудовым доходом» (ГАПО, ф. Р-342, оп. 1, д. 59, л. 4, 5, 8, 178).

Наконец, третий ключевой блок представленных документов касается катастрофического состояния воспитательной системы и стремительного увеличения рецидивной преступности среди молодёжи. Только в одном лишь городе Пензе за указанный период сотрудниками уголовного розыска было зафиксировано около 342 задержаний, причём значительная доля задержанных составляла именно подростки. Особенно тревожным выглядит показатель повторного совершения преступлений отдельными лицами, достигающий порой рекордных показателей – до пятнадцати арестов одних и тех же молодых правонарушителей (ГАПО, ф. Р-342, оп. 1, д. 59, л. 4, 5, 8, 178). Отсутствие эффективной системы профилактики правонарушений, нехватка материальных ресурсов учреждений социальной защиты и полное игнорирование нужд детей из неблагополучных семей привели к тому, что молодёжь из среды лишенцев оказывалась заранее приговорённой к жизни в криминалитетной среде, начиная с ранних этапов взросления.

Таким образом, отчёты уголовного розыска середины 1920-х годов убедительно свидетельствуют о формировании в Пензенской губернии устойчивой страты маргинального населения, чьё положение определялось изначально установленной политикой ограничений гражданских прав и последующего экономического разрушения их семейных укладов.

Заключение

На основе вышеизложенного можно прийти к ряду выводов.

Во-первых, из обзора историографии прослеживается глубокая трансформация подходов к теме. В работах 1920-х – 1930-х годов доминировал идеологический аспект и ответственность за социальные девиации перекладывалась на царский режим. Современные исследователи сместили фокус на изучение бытовой повседневности и антропологической составляющей проблемы.

Во-вторых, по результатам исследования установлено, что ключевыми деструктивными факторами для Пензенской губернии являлись самогонварение и бандитизм. Проституция, вопреки общесоюзным тенденциям крупных губернских центров, носила латентный характер и не оказывала критического влияния на социальное развитие Пензенской губернии.

В-третьих, выявлено, что катализатором бандитизма на раннем этапе НЭПа выступала относительная слабость советской власти на местах в условиях незавершённого вооружённого конфликта Гражданской войны. Стабилизация обстановки и ликвидация вооружённого подполья стали возможны только после привлечения к операциям регулярных частей Главного политического управления (ГПУ).

В-четвертых, пьянство и самогонварение приобрели в губернии характер системной угрозы. Указанная девиация стала наиболее важным фактором влияния на маргинализацию советского общества в годы НЭПа. Пьянство послужило причиной для роста преступности, прежде всего, хулиганства.

В качестве перспективы дальнейших исследований по теме видится анализ корреляции между ростом преступности и динамикой численности лиц, лишённых избирательных прав в регионе.

Материалы исследования | Research materials

1. Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху, 1920-1930-е годы. М.: Молодая гвардия, 2003.
2. Виноградов С. В. НЭП: опыт создания многоукладной экономики. Астрахань: ИП Сорокин Р. В., 2015.
3. Герцензон А. А. Борьба с преступностью в РСФСР (по материалам обследования НК РКИ СССР) / под ред. и с предисл. В. А. Радус-Зеньковича. М.: Юридическое изд-во, 1928.

4. Герцензон А. А. Современная преступность и алкоголизм // Советское государство и революция права. 1930. № 3.
5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-342. Оп. 1.
6. ГАПО. Ф. Р-863. Оп. 2.
7. ГАПО. Ф. Р-1879. Оп. 1.
8. Ларин Ю. Алкоголизм и социализм. М.: Гос. изд-во, 1929.
9. Лебина Н. Б. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917-1991. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
10. Семашко Н. А. На борьбу с пьянством. М.- Л.: Гос. изд-во, 1926.

Источники | References

1. Ельчанинов П. М. Преступность в советской провинции и борьба с ней в 1921-1928 гг.: на материалах Курской и Воронежской губерний: дисс. ... к. ист. н. Белгород, 2018.
2. Камардин И. Н. Хулиганство в городах Поволжья в период нэпа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 2 (20).
3. Коржихина Т. П. Из истории борьбы советских государственных и общественных организаций за новый быт в 20-е гг. // Из истории партийно-государственного руководства культурным строительством в СССР. М., 1983.
4. Коржихина Т. П. Борьба с алкоголизмом в 1920 - начале 30-х гг. // Вопросы истории. 1985. № 9.
5. Курицын В. М. Переход к НЭПу и революционная законность. М.: Наука, 1972.
6. Манькевич А. А. Основные формы девиантного поведения населения Самарской губернии в период новой экономической политики: 1921-1929 гг.: дисс. ... к. ист. н. Самара, 2007.
7. Муравьева Л. А. Новая экономическая политика: статья // Финансы и кредит. 2002. № 10.
8. Павлов А. Н. Борьба милиции с преступностью в годы НЭПа // Вопросы истории. 2004. № 10.
9. Панин С. Е. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в Советской России в 1920-е годы // Вестник Евразии. 2003. № 4.

Благодарность | Acknowledgements

RU Автор выражает благодарность научному руководителю доктору исторических наук, профессору О. А. Суховой.

EN The author expresses gratitude to the academic supervisor, Doctor of Historical Sciences, Professor O. A. Sukhova.

Информация об авторах | Author information

RU Жгут Сергей Александрович¹
¹ Пензенский государственный университет

EN Sergey Aleksandrovich Zhgut¹
¹ Penza State University

¹ s.zhgut@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.04.2026; опубликовано online (published online): 31.08.2026.

Ключевые слова (keywords): новая экономическая политика; социальные проблемы; девиации; региональная статистика; повседневность; New Economic Policy; social problems; deviations; regional statistics; everyday life.